

«УТВЕРЖДАЮ»
ДИРЕКТОР ФГБУН
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
АЛИКБЕРОВ А. К.

2025 г.

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук
Наврузова Амира Рамазановича на тему
«Мусульманское просветительство в религиозной и
общественно-политической жизни Дагестана первой трети XX века»
по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки)

Диссертация Амира Рамазановича Наврузова посвящена поистине фундаментальной и актуальной для современной исторической науки теме. Мусульманские реформаторы поздней Российской империи и межвоенного СССР, известные в литературе под именем джадидов, породили огромную литературу, оставив в распоряжении историков разнообразные источники, включая оригинальную прессу, учебники, нарративные и нормативные источники, переписку в основном на восточных языках. В Дагестане и в целом на Северном Кавказе мусульманское реформаторство первой трети XX в. изучено значительно хуже, чем в других регионах. По справедливому замечанию диссертанта, не хватает обобщающего критического исследования на эту тему для этой важной окраины России и мусульманского мира (С. 4, 18). История мусульманского реформаторства в Дагестане этого периода выводит на актуальные и дискуссионные в современной историографии проблемы преемственности и разрывов между Российской империей и СССР, модернизации национализирующихся окраин, которые многие зарубежные коллеги, пожалуй, чрезмерно сближают с западными колониями, участия мусульманских

элит в советском культурном строительстве, наконец, транснациональных исламских сетей и мусульманской субъектности.

Немалую сложность создает политическая ангажированность и идеологизация интеллектуального наследия предшественников диссертанта, начиная с классической советской брошюры А. Аршаруни и Х. Габидуллина, критиковавшей джадидов Волго-Уральского региона (М.: Безбожник, 1931), других советских работ 1920-х – 1930-х гг., пытавшихся впихнуть не похожих друг на друга представителей мусульманского реформаторства в прокрустово ложе марксистской классовой схемы, то как идеологов «объективно прогрессивной» национально буржуазии, противостоявших в их воображении феодальной реакции, то как реакционную «феодално-клерикальную» силу, противившуюся социалистическому строительству. Еще более тяготит современную историографию наследие западных советологов из школы А. Беннигсена, предложивших спорную дихотомию мусульманских прогрессистов-«джадидистов» и их противников, объединяемых под условным названием консерваторов-«кадимистов». Столь же спорными (и априорными) оказались теоретические построения советских философов 1950-х – 1960-х гг., пытавшихся реабилитировать наследие джадидов, используя понятие «просветители» с его понятной их современникам ассоциацией с французским Просвещением XVIII в. в позитивном толковании классиков марксизма-ленинизма.

Историографию джадидизма XX в. не раз критиковали, начиная с 1990-х гг., когда ученики советологов пересмотрели взгляды своих учителей и старших коллег, как ревизовавший А. Беннигсена Э. Лаззери. От наиболее одиозных идей советологов и их советских *vis-à-vis* давно отказались, но они вновь и вновь всплывают в историографии в безуспешных попытках провести резкую грань между джадидами и их противниками, объединить разных по взглядам улемов и даже суфиев в единую группу мусульманских реформаторов, сконструировать еще более гипотетическую группу кадимистов. Более серьезным последствием боев за историю джадидов в XX в. стала путаница в определениях мусульманского реформаторства и его составляющих.

Порывая с наследием «холодной войны», некоторые серьезные исследователи (Д. ДеВиз, П. Сартори, Дж. Эден, А.К. Бустанов и др.) пришли к полной деконструкции общих понятий о джадидах. В 2016 г. в ходе дискуссии в *Journal of the Economic and Social History of the Orient* (Vol. 59. Nos 1–2) было предложено отказаться не только от термина «джадидизм», но и от всех определяющих его понятий, включая «мусульманское реформаторство». Все эти историографические баталии о джадидах хорошо отражены и прокомментированы в диссертации. Как вышел из положения ее автор?

Весьма оригинальным способом. Он решил вернуться к понятию «просветительство» для джадидов, кардинально переосмыслив его и отойдя от нерелевантной советской формационной модели на основе изучения дагестанских первоисточников по ключевым для мусульманских реформаторов направлениям их деятельности – исламскому образованию в медресе, мусульманской прессе и книгопечатанию на арабском языке и в арабской графике (‘аджам) на тюркских и нахско-дагестанских языках, деятельности культурных обществ, движений и партий. Он не отказывается от столь же общих понятий «исламское реформаторство» и собственно «джадидизм», используя в диссертации все три термина как синонимы, обозначающие близкие, но не идентичные проявления изучаемого феномена, соподчиненные друг другу. Толкования диссертанта могут вызвать критику, но они представляют собой обоснованную авторскую концепцию, опирающуюся на хорошее знание современной историографии и сравнительный анализ источников из Дагестана, преимущественно на арабском языке, происходящих более из лагеря сторонников реформы (ислах), реже – от их критиков.

Что можно сказать о вкладе диссертанта в изучение проблематики джадидизма в наименее изученном регионе его бытования? Перед нами – фундированное историческое исследование, основанное на скрупулезном сравнительном изучении большого круга первоисточников, прежде всего на арабском языке. Оно посвящено горному Дагестану как важному исламскому центру имперской и советской России. При этом работа выходит на более

широкий региональный уровень, порой в область биографической истории, что, учитывая современные исторические подходы, повышает ее значимость. Диссертант давно начал заниматься мусульманскими реформаторами в Дагестане. Его кандидатская диссертация была посвящена газете джадидов на арабском языке «Джаридат Дагестан» (2000). Впоследствии на ее основе он подготовил 2 издания монографии (2007, 2012). Не повторяя кандидатской, докторская диссертация анализирует мусульманское реформаторство в Дагестане в целом. Источники исследования включают 419 единиц, преимущественно на арабском языке, который для улемов Дагестана играл роль языка исламского знания. Наряду с государственными использованы материалы частных и мечетных архивов. Очень полно представлена литература (298 работ), подробно разбираемая в I главе.

Благодаря докторской диссертации Наврузова мы имеем первое фундаментальное исследование особенностей мусульманского реформаторства в Дагестане и на Северном Кавказе, сделанное на богатой источниковой базе, значительная часть которой впервые вводится в научный оборот. Большинство выносимых на защиту положений (С. 26–32; Заключение) оригинальны, обоснованы и не вызывают возражений. Диссертант верно проследил истоки идей реформаторов у Хасана Алкадари, верно сравнил его по значению с Шихаб ад-Дином Марджани в Поволжье. Справедливо его наблюдение, что, как и в других регионах России, движение было ответом на модернизацию мусульманского общества в поздней Российской империи. Однако единой модели джадидизма, которую безуспешно искали историки XX в., он не нашел. Движение отличалось исключительной пестротой и многообразием. «Оптика» исследования джадидов верно смещена с политики и национализма, значение которых предшественники диссертанта часто преувеличивали, на проекты трансформации исламского правосудия, его принципов и уровней (иджтихад, таклид) и образования (новометодные медресе), появление мусульманской прессы, критику реформаторами правовых обычаев (русум, ‘адат) мусульман, учения и мистических техник современных им суфиев.

Тем самым в работе лучше вырисовывается религиозная составляющая джадидизма, как исламского, а не светского национального движения.

Несомненное достоинство диссертации в том, что она не закрывает, но продолжает полемику вокруг джадидов Дагестана и в целом России первой трети XX в., обращая ее к исходящим от них первоисточникам на восточных языках. Не со всеми выводами автора мы можем согласиться. Но нельзя не признать при этом, что все они логичны и фундированы. Мы поддерживаем диссертанта в том, что термины «джадиды» и «мусульманское реформаторство» обоснованы и подтверждаются свидетельствами источников. Но тезис о сосуществовании джадидизма и мусульманского реформаторства усугубляет терминологическую путаницу. Предпочтительнее кажется эмпирический подход: использование понятий «джадиды» и «ислах» с пояснением их в обобщающем термине «мусульманское реформаторство». Следовало бы больше внимания уделить акторам движения, а также конкретным его представителям, учитывая, что единого движения джадидов в Дагестане так и не сложилось. Не согласны мы и с тезисами об «умеренном исламе», который, по мнению диссертанта, джадиды принесли в исламскую мысль Дагестана. Чуть преувеличено осуждение джадидами идеи Халифата (С. 32, 29, далее). Мусульманские источники прямо об этом не говорят. Содержание «умеренного ислама» остается не вполне ясным. К тому же, генеалогия джадидов идет не только от Алкадари, но через ал-Кудуки (С. 72) и от руководителя вооруженного джихада против империи имама (и халифа) Гази-Мухаммеда.

Структура диссертации логично отражает исследовательские вопросы и общую цель работы. Как и положено, она состоит из Введения, 4 глав и Заключения с библиографией. В приложении на с. 413–455 приведены переводы с арабского на русский важных источников: избранных статей дагестанских улемов-реформаторов из газет «Джаридат Дагистан» (1913–1918) и «Байан ал-хака'ик» (1925–1928). В I главе содержится подробный аналитический обзор отечественной и международной историографии мусульманского реформаторства в регионах России и отдельно Дагестане, начиная с 1920-х –

1930-х до середины 2020-х гг. Здесь же разобрана эпистемология джадидизма в историческом контексте поздней Российской империи и советского культурного и национального строительства, в котором его представители приняли активное участие. В отдельные параграфы вынесены отношения мусульманских реформаторов с имперскими и советскими властями (1.4.), а также сопоставление взглядов реформаторов с радикальным салафитским течением ваххабитов (1.3.). Глава в целом не вызывает нареканий. Только сочинение «ал-Джаваб ас-сахих» Хапиза Омарова, приравнивавшего джадидов к ваххабитов (С. 99–100), кажется не вполне релевантным. Оно написано уже после джадидизма, на заказ властей и отражает взгляды второй половины XX в.

В II–III главах представлены тематический репертуар проекта мусульманских реформаторов и основные направления их деятельности. Это трансформация исламского образования, раскрепощение мусульманки, борьба с религиозно-правовыми обычаями-адатами, противоречившими нормам шариата и мешавшими, по мнению джадидов, модернизации мусульман. Вся III и часть II главы посвящены конкретным правовым (и культовым) вопросам шариата, стоявшим в центре полемики мусульманских реформаторов с их оппонентами: целевое назначение вакфов, уплата закята с современных российских банкнот, размер брачного дара невесте (махр), троекратный развод талак, обычай повторения пятничной полуденной молитвы, чтение хутбы не на арабском языке, особенности держания поста (саум), запрет изображений человека в исламе (3.2.). Эта часть диссертации убедительно представляет религиозный, шариатский характер мусульманского реформаторства, недооцененный многими предшественниками диссертанта. Она также показывает отсутствие единства среди реформаторов, особенно заметное в вопросах иджитихада – метода извлечения новых шариатских норм в ответ на вызовы современности. Большинство джадидов были против абсолютного иджитихада, допуская его лишь в рамках шафиитского мазхаба или еще уже – фетвы.

К этим главам у нас есть второстепенные, скорее редакторские, замечания. Диссертант верно отметил попытки мусульманских реформаторов пе-

ренаправить вакфные отчисления на нужды исламского образования и благотворительности, упразднить местные адаты, которые, по их мнению, вели к растрате и нецелевому использованию вакфных имуществ (С. 252–256). Но стоило бы более связать эту часть главы с благотворительными обществами, создававшимися в Дагестанской области тогда же, о которых уже говорилось в главе I (С. 84–86). Одним из первых современных историков диссертант обратил внимание на то, что дискурс реформы (ислах) включал в себя в Дагестане еще и борьбу с правовыми обычаями (русум, ‘адат), не соответствовавшими шариату и бывшими, по мнению джадидов, крайне архаичными. Этому сюжету посвящен последний параграф главы II (С. 217–227). Вместе с тем, стоило бы указать, что в борьбе с адатами мусульманские реформаторы следовали не только идеям зачинателя шариатского движения конца XVII – середины XIX в. Мухаммада ал-Кудуки (С. 9), но и другого крупного и весьма радикально настроенного религиозного и политического деятеля, предшественника Шамиля имама Гази-Мухаммеда ал-Гимрави. Однако ни о нем, ни о борьбе ал-Кудуки и его учеников с адатами ничего не сказано.

Последняя IV глава диссертации посвящена сложным взаимоотношениям мусульманских реформаторов с суфиями. Шейхи братств Накшбандийа, Кадирийа, а с начала XX в. и Шазилийа обладали немалым влиянием у мусульман Дагестана. Именно поддержка частью из них Красной армии в гражданскую войну привела к установлению советской власти. Диссертант прав, выделив эту важную для понимания особенностей мусульманского реформаторства в регионе тему в отдельную главу. Не вызывает нареканий и ее структура. В параграфах IV главы разобраны причины негативного отношения дагестанских джадидов, прежде всего Али Каяева, к исламскому мистицизму и в особенности к современным им суфийским наставникам, которых они упрекали в отходе от шариата. Диссертант верно отметил терпимость к суфизму части джадидов, такие как Абусупьян (Акаев) из Н. Казанище. Тут же проанализированы взгляды реформаторов на важнейшие суфийские идеи и практики (истигаса, рабита). В ту же главу логично включен раздел о пори-

цании джадидами культа святых, тесно связанного с суфизмом. Стоило бы включить в главу отклики суфиев, особенно поддержавшего джаидов шейха Сайпуллы-кади из Ницовкры и его наставника шейха Зайнуллаха Расулева, на мусульманское реформаторство. Характерно, что некоторые джаиды переняли понятия из полемики между суфийскими наставниками, в частности термин «лжешейх» (муташаййих) (С. 301–311). И еще можно было бы развить параллели с Поволжьем, где наблюдались сходные явления.

Кроме отмеченных выше замечаний следует указать на некоторые мелкие погрешности и неточности работы. Их хорошо бы исправить при переработке диссертации в монографию. Диссертант то придерживается строгой арабистической транслитерации арабских имен и понятий, в основном в сносках, то нарушает ее, особенно в именах арабского происхождения. Артикль пишется то как ал-, то как аль- (С. 56, 140, 240, 246 сноска 723, 258 сноска 748, 296 сноска 831, 416, сноска 930). Поскольку исследование основано на арабоязычных источниках, первое написание предпочтительнее. Также стоило бы писать во всех позициях букву «айн» (‘), а в середине и конце арабских слов – «хамзу» (’), избегать в транскрипции арабских слов кириллицей мягкого знака (*passim*), твердого знака вместо «айн» (например, Масбуд. С. 77, 246, 330). Следует быть осторожнее к названиям и терминам, особенно в обратном переводе реалий первой трети XX в. на русский язык. Муфтияты (араб. идара шар‘ийа) Российской империи кроме ОМДС носили официальное название Духовных правлений, а не управлений (С. 116, 117). Горские суды в дореволюционной Дагестанской области назывались народными и словесными (С. 225, 227). Под «правовыми судами» (С. 225, 227), которые в Терской области должны были заменить горские, вероятно, понимаются суды по общим законам империи, которым горцы-туземцы областей Северного Кавказа до 1917 г. были не подсудны. Наконец, на с. 218 стоило бы указать, что статья из «Джаридат Дагистан» (сноска 648) является пересказом цитируемой выше статьи генерала А.В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним» из «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1868. Вып. I.

Отд. II. С. 7. Примеч. **). Следовало бы также расшифровать в сноске упомянутую в той же цитате книгу «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» под редакцией И.Я. Сандрыгайло (Тифлис: Типография Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899).

Все высказанные выше замечания не имеют принципиального значения и не умаляют отмеченных нами достоинств работы. Диссертация несомненно удалась. Ее цель достигнута, и все поставленные во Введении исследовательские вопросы успешно решены. Работа существенно расширяет источниковую базу исследований мусульманского реформаторства и закладывает солидный базис его дальнейшего изучения на Северном Кавказе. Проблематика диссертации имеет важное теоретическое и прикладное значения, выходя на актуальные вопросы взаимоотношений мусульманского сообщества, российского общества и государства в России. Основные положения диссертации апробированы на научных конференциях и отражены в научных публикациях, включая периодические издания, рекомендованные ВАКом.

Автореферат точно отражает содержание диссертационного исследования и соответствует всем требованиям.

Диссертация соответствует паспорту специальности 5.6.1. «Отечественная история (исторические науки)» (по направлениям исследований 4, 9, 12, 13, 14) и отвечает требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Правительством РФ от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук. Амир Рамазанович Наврузов вполне заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по искомой специальности 5.6.1.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН 14 мая 2025 г. (протокол № 12).

Составитель отзыва – специалист по истории ислама и мусульманских сообществ на Северном Кавказе XVIII–XX вв. кандидат исторических наук Бобровников Владимир Олегович. В настоящее время Бобровников В.О. ра-

